

Натали Рош

Евламгий выходит из

тени

Натали Рош

Евламий выходит из тени

«Автор»

2026

Рош Н.

Евламий выходит из тени / Н. Рош — «Автор», 2026

В современном приморском городе неожиданно встречаются два мира: холодный, блестящий, расчетливый и — тёплый, смешной, но отважный. Лина Ветрова — бывшая журналистка, а ныне автор скромных сказок про хомяка Евлампия. Она пять лет прячется за псевдонимом. Она не даёт интервью. Она переходит на другую сторону улицы, если видит людей в дорогих костюмах. Но однажды она случайно врезается в мужчину, который наступает на её блокнот ботинком ручной работы. Мужчину зовут Роман Верховцев — издательский магнат, владелец холдинга и человек, который когда-то искал её, чтобы предложить работу. Теперь, когда он нашёл её, он предлагает сделку: она выходит из тени, а он даёт ей защиту и шанс закончить то, что она не смогла пять лет назад. Но есть проблема: те, кому она перешла дорогу, тоже её нашли. И они не предлагают сделок. Они предлагают тишину. Вечную. Так кто же боится на самом деле — она их или они её? И что будет, если маленький хомяк всё-таки решит заговорить?

© Рош Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Хомяк под ботинком	5
Глава 2. Очередь и король	7
Глава 3. Контракт с Драконом (глянцевая бумага, двусторонняя печать)	10
Глава 4. Стекланный Дракон в естественной среде обитания	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Евламий выходит из тени

Глава 1. Хомяк под ботинком

Набережная пахла августом: арбузами, сладкой ватой и чьими-то несбывшимися надеждами. Лина шла сквозь толпу курортников, прижимая к груди потрёпанный блокнот. В блокноте жил хомяк по имени Евламий. Точнее, пока не жил, а маялся на полях незаконченной сказки, потому что Лина никак не могла придумать ему достойного врага.

— Может, хорёк? — бормотала она себе под нос. — Нет, хорёк — это банально. Нужен кто-то... Стекланный Человек. Или Стекланный Дракон, который видит всех насквозь и от этого страшно несчастен.

Она задумалась и не заметила лужу. Вернее, лужу она заметила — красивую такую, с бензиновым разводом в форме сердца, — но не заметила мужчину, который вышел из-за угла с грацией авианосца.

Столкновение вышло комичным. Блокнот выпорхнул из рук и шлёпнулся ровно в лужу, раскрывшись на самой обидной странице — там, где хомяк Евламий впервые улыбнулся читателю. А сверху на хомяка опустился ботинок.

Это был очень дорогой ботинок. Чёрный, оксфордский, ручной работы. Лина знала это совершенно точно, потому что её отец когда-то работал в обувной мастерской и научил дочь отличать «ручную прошивку» от «конвейерного позора». Ботинок был великолепен — и он стоял прямо на морде улыбающегося Евлампия.

— Прошу прощения, — произнёс голос над её головой. — Я не привык смотреть под ноги, я вас не заметил.

Лина подняла глаза. И замерла. Перед ней стоял мужчина лет тридцати пяти — высокий, с лёгкой небритостью, в идеально сидящем льняном пиджаке. Он смотрел на неё сверху вниз с выражением вежливого недоумения — так смотрят на рекламный баннер, который упал поперёк тротуара.

Роман Верховцев. «Царь и бог бумажной империи». «Издательский магнат, который скупает смыслы». «Человек, у которого нет времени на глупости — зато есть время на деньги». Заголовки деловых изданий вспыхнули в голове Лины, как новогодняя гирлянда, которую замкнуло.

Она читала о нём всё. Когда-то, в прошлой жизни, она мечтала работать в его холдинге. Нет, не мечтала — она работала. Но он этого не знал. Он вообще не знал, кто она такая. И это было к лучшему.

— Вы собираетесь достать свой ботинок из лужи? — спросила Лина, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы стоите на моем хомяке.

Роман опустил взгляд — кажется, он действительно только сейчас заметил, что стоит в луже. Он поднял ногу. С мокрого блокнота на него глянул полуразмытый зверёк с акварельной улыбкой. От ботинка на морде остался чёткий отпечаток подошвы.

— Хомяк, — констатировал Роман. — Милые зверушки. Сами рисуете или ребёнку помогаете?

Это был второй удар за минуту. Сначала — ботинком по Евлампии. Теперь — по её самолюбию.

— Сама, — ответила Лина, поднимая блокнот из лужи. Вода капала с уголков, хомяк окончательно поплыл в буквальном смысле. — Детей у меня нет. Только хомяки.

— Оригинальный выбор, — заметил Роман, и уголок его рта чуть дёрнулся. Не то улыбка, не то судорога. — Обычно одинокие девушки заводят кошек.

— Кошки едят хомяков.

— Справедливо. Значит, хомяк — это такое заявление о пацифизме?

— Это такое заявление о том, что у меня нет денег на кошачий корм.

Он посмотрел на неё чуть внимательнее. На секунду Лине показалось, что в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес. Но оно тут же погасло.

— Что ж, — он достал из кармана визитницу. Не из внутреннего, а из внешнего — Лина машинально отметила это, как человек, знающий толк в сортах визитных карточек.

— Если ваши хомяки вдруг вырастут во что-то более... тиражное, дайте знать.

Он протянул ей карточку. Она была матовая, с одним только именем и номером. Никаких должностей. Никаких «генеральных директоров». Только «Роман Верховцев» и телефон. Лина знала: такие визитки получали либо очень важные люди, либо очень красивые женщины. Она не относилась ни к тем, ни к другим.

— Вы всем раздаёте визитки на набережной? — спросила она, не беря карточку.

— Только тем, кто рисует хомяков и бросает их мне под ноги. Это редкая категория. Можно сказать, вымирающий вид.

— Вымирающий вид — это ваше чувство юмора.

Он приподнял бровь:

— А у вас острое чувство самосохранения. Обычно люди сначала берут визитку, а потом уже дерзят.

Лина замолчала и взяла карточку.

— Вот так, — одобрил Роман. — Теперь у вас есть мой номер. А у меня есть отпечаток вашего хомяка на подошве. Считайте, мы квиты.

Он кивнул — не ей, а скорее пространству над её головой — и пошёл дальше по набережной.

Лина стояла с мокрым блокнотом в одной руке и визиткой в другой. Вода с блокнота капала ей на босоножки. Хомяк Евламий, чью улыбку пересекал след протектора, выглядел так, будто его переехала вся издательская индустрия разом.

— Вот видишь, — прошептала она хомяку. — Я же говорила. Стекланный Дракон видит всех насквозь. И очень несчастен.

Блокнот в ответ жалобно хлюпнул.

В ресторане с видом на море Роман Верховцев сел за столик и зачем-то полез в телефон. Его помощница Анжела уже набирала воздух для доклада о завтрашнем совещании, но он её остановил:

— Анжела, скажите... вы когда-нибудь встречали женщину, которая рисует хомяков?

Анжела, не моргнув:

— Роман Дмитриевич, я встречала женщин, которые рисуют всё что угодно. Это не диагноз.

— А женщин, которые не берут визитку, даже когда им её дают?

Анжела задумалась:

— Таких, пожалуй, нет. Может, она просто не знала, кто вы?

Роман хмыкнул. Вот именно. Не знала. Конечно, не знала.

Он не мог даже предположить, что она знала его лучше, чем кто-либо в этом городе. И уж точно не мог предположить, что пять лет назад он уже держал её текст в руках. Текст, из-за которого чуть не началась война. Текст, который она написала — и сбежала. Текст, который он до сих пор помнил наизусть. Первый абзац: «Когда политик говорит о прозрачности, проверьте его карманы на просвет. Скорее всего, вы увидите там не партийный билет, а что-то гораздо более интересное». Автор: Алина Соколова. Уволилась. Пропала. Не найдена.

Улыбающийся хомяк. Роман попытался выбросить его из головы. Он не выбрасывался.

Глава 2. Очередь и король

В углу детского зала книжного магазина «Книгочей», между стеллажом с раскрасками и картонным динозавром, который при нажатии издавал звук «я вымер», стоял столик. На столике — стопка книг с яркой обложкой. На обложке — хомяк Евламий в рыцарских доспехах. Над хомяком — надпись: «ЛИНА ВЕТРОВА. ХОМЯЧЬИ ХРОНИКИ. ТОМ ТРЕТИЙ».

За столиком сидела Лина. Перед столиком — никого.

Точнее, почти никого. В кресле для посетителей дремал пожилой мужчина в вязаной жилетке. Он пришёл сорок минут назад, взял книгу, полистал, сказал «угу» и уснул. Лина не будила его — он был единственным, кто создавал иллюзию очереди.

Администратор зала, девушка Катя с бейджиком «Спроси меня о скидках», подошла с чашкой остывшего чая.

— Лин, может, табличку переставим? Вход со стороны эскалатора, там больше трафика.

— Кать, там больше трафика, но он весь идёт в отдел комиксов. К Бэтмену. У Бэтмена плащ. А у моего хомяка — только шлем из жёлудя.

— Жёлудь — это экологично.

— Вот и я говорю. Но массовый читатель не готов к экологии. Ему подавай плащ и трагедию.

Катя вздохнула и ушла. Мужчина в жилетке всхрапнул. Лина открыла блокнот — тот самый, с отпечатком ботинка на первой странице. Евламий всё ещё улыбался, но теперь его улыбка выглядела так, будто он знает что-то, чего не знает никто.

— И что ты знаешь? — прошептала Лина.

Хомяк не ответил. Но ей показалось, что он подмигнул.

В этот момент стеклянные двери магазина разъехались с тихим шипением, и вошёл Он. Роман Верховцев вошёл в «Книгочей» как человек, который привык входить в помещения, где ему принадлежит всё. Хотя именно этот магазин ему не принадлежал — просто походка у него была такая. Владельческая.

За ним семенила Анжела с планшетом:

— Роман Дмитриевич, у нас через двадцать минут встреча с региональным директором, не понимаю зачем вы хотели посмотреть детский зал лично, у нас нет планов по поглощению этой сети.

— Анжела, — сказал Роман, не оборачиваясь. — Вы когда-нибудь слышали выражение «зашёл просто посмотреть»?

— Слышала. Но оно никогда не относилось к вам.

— Значит, сегодня — исторический день.

Он прошёл мимо стеллажей с бестселлерами — книги его собственного издательства, «Верховный Том», занимали три полки из пяти. Мелькнула мысль: надо бы потеснить конкурентов. Потом другая мысль: какая разница. И третья, совсем неожиданная: интересно, она сегодня рисует хомяков или уже переключилась на хорьков?

Он сам не знал, зачем пришёл. Набережная, визитка, дурацкий блокнот с дурацким зверьком — это всё должно было забыться через пять минут. Но не забылось. Вечером он поймал себя на том, что гуглит «хомяк в доспехах» — и нашёл анонс автограф-сессии.

«Хомячьи хроники, том третий». В воскресенье. В магазине «Книгочей». И он поехал. Просто так.

Детский зал встретил его тишиной и картонным динозавром.

— Нажмите на динозавра, — сказала Катя, возникая из ниоткуда. — Он говорит «я вымер». Детям нравится.

Роман посмотрел на динозавра. Динозавр посмотрел на Романа.

— Я тоже иногда чувствую себя вымершим, — сказал Роман. — Но я не кричу об этом на весь магазин.

Катя моргнула и ретировалась. Роман двинулся дальше и увидел столик.

Лина сидела, уткнувшись в блокнот. На ней было то же платье, что и вчера — простое, светло-серое, с карманом, из которого торчал огрызок карандаша. Волосы собраны в небрежный пучок, который притворялся, что ему всё равно. Перед ней стояла табличка: «ЛИНА ВЕТРОВА. АВТОР СКАЗОК. ПОДПИСЫВАЮ КНИГИ. НЕ ПОДПИСЫВАЮ ДОКУМЕНТЫ НА КВАРТИРУ».

Роман прочитал табличку и хмыкнул. Юмор у неё был. Станный, колючий, но был. Он подошёл к столу. Лина не подняла глаз.

— Если вы по поводу автографа, — сказала она, продолжая рисовать, — то предупреждаю: очередь.

Роман огляделся. Очередь состояла из одного спящего мужчины.

— Вижу. Серьёзная конкуренция.

Лина подняла глаза. Узнала. Побледнела. Потом покраснела. Потом попыталась сделать лицо, которое ничего не выражает, — получилось плохо.

— О, — сказала она. — Вы.

— Я, — согласился он. — Решил проверить, живы ли хомяки.

— Хомяки живучие.

— А их автор?

Лина отложила карандаш:

— Автор пока тоже жив. Но если вы снова наступите на блокнот, я не ручаюсь.

Роман взял со стопки книгу. Повертел в руках. Обложка была хорошая — он как издатель не мог этого не отметить. Бумага плотная. Иллюстрации... Он открыл книгу и увидел того самого хомяка. В шлеме из жёлудя. С мечом из веточки. Подпись: «Евламий и Стекланный Дракон».

— Стекланный Дракон, — прочитал он вслух. — Интересный антагонист. Он что, бьётся?

— Нет. Он видит людей насквозь. И говорит им правду.

— Ужас. Кошмарный злодей.

— Не смешно.

— Я не смеюсь. Я издатель. Правда — это действительно страшно. Особенно если её напечатать тиражом больше тысячи экземпляров.

Лина замолчала. Что-то в его словах задело её сильнее, чем он мог предположить. Тираж. Правда. Тысяча экземпляров. Она вспомнила статью. Гонорар, который ей так и не заплатили. Угрозы в почтовом ящике. И ночь, когда она стёрла все свои соцсети и стала Линой Ветровой — автором сказок, а не Алиной Соколовой — автором проблем.

— Вы будете покупать книгу? — спросила она, возвращаясь в реальность.

— А если да, вы её подпишете?

— Вы хотите автограф?

— Я хочу посмотреть, что вы напишете.

Лина взяла книгу. Открыла форзац. Задумалась на секунду. И написала:

«Вашему Величеству от скромного летописца Хомячьих королевств. С надеждой, что ботинки больше не будут стоять на пути искусства. Л.В.»

Она протянула книгу ему. Роман прочитал. Улыбнулся — на этот раз настоящей улыбкой, а не судорогой уголка рта.

— «Вашему Величеству», — повторил он. — Вы мне льстите. Или дерзите. Я ещё не понял.

— Это взаимозаменяемые понятия. Когда имеешь дело с королями.

— А вы часто имеете дело с королями?

— Только со сказочными. Настоящих я обхожу стороной.

— Почему?

— Потому что настоящие короли обычно хотят отрубить голову. А у меня там ценный материал.

Роман засмеялся — коротко, сухо, как будто сам удивился, что ещё умеет. И тут случилось странное. Спящий мужчина в жилетке проснулся, поднялся и подошёл к столику.

— Простите, — сказал он, протирая глаза. — Я, кажется, уснул. Это автограф-сессия? Можно мне тоже?

— Можно, — сказала Лина. — Вы пришли первым. Проходите.

— Но он же стоял, — мужчина кивнул на Романа.

— Он не стоял. Он просто проходил мимо.

Роман приподнял бровь:

— Я не проходил. Я купил книгу.

— Значит, вы уже обслужены, — Лина улыбнулась ему невинной улыбкой. — Всего доброго. Следующий!

Она демонстративно повернулась к мужчине в жилетке. Роман стоял с книгой в руке. Его — Романа Верховцева — только что выставили из очереди. В которой было два человека. И один из них — спящий пенсионер.

Анжела материализовалась рядом:

— Роман Дмитриевич, нам пора.

— Да, — сказал он. — Пора.

Он отошёл на несколько шагов, остановился у динозавра и нажал на кнопку.

— Я ВЫМЕР! — радостно сообщил динозавр.

— Понимаю, брат, — тихо сказал Роман. — Понимаю.

И вышел.

А Лина подписывала книгу пенсионеру и думала о том, что Стекланный Дракон опаснее, чем в сказке. Потому что в сказке она знала, чем всё закончится. А здесь — нет.

Глава 3. Контракт с Драконом (глянцевая бумага, двусторонняя печать)

Звонок раздался во вторник, в десять утра. Лина как раз пыталась запихнуть Евлампия в стиральную машину.

Точнее, не самого Евлампия — его плюшевую версию, которую прислала поклонница из Саратова. Хомяк был ручной работы, кривоватый, с одной пуговицей вместо глаза, и с таким запахом, будто его использовали как подушку для кота. Лина решила, что хомяк заслужил банный день.

— Не дёргайся, — сказала она плюшевому зверю. — Ты весь в чём-то подозрительном.

— Алло? Это Лина Ветрова? — голос в трубке был женский, деловой, с металлическим привкусом.

— Смотря, кто спрашивает, — Лина зажала телефон плечом, продолжая борьбу с хомяком. — Если налоговая — то я не Лина, а её двоюродная сестра из Уфы.

— Это Анжела Соболева, личный ассистент Романа Верховцева. Издательский холдинг «Верховный Том».

Лина уронила хомяка в барабан.

— Алло? Вы здесь?

— Здесь, — выдавила Лина. — Простите, у меня тут... хомяк тонет.

В трубке повисла пауза. Видимо, Анжела решала, стоит ли связываться с женщиной, которая топит грызунов в рабочее время.

— Я перезвоню, — сказала Анжела.

— Нет-нет, не надо! Он уже... он плюшевый. Это игрушка. Я стираю игрушку. Всё в порядке.

Пауза стала ещё длиннее.

— Хорошо, — голос Анжелы звучал так, будто она мысленно делала пометку: «Клиент — сумасшедшая. Инициировать протокол “Творческая личность”». — Роман Дмитриевич хотел бы встретиться с вами лично. Завтра в двенадцать. Офис холдинга. Обсудить контракт на переиздание вашей серии.

Лина медленно опустила на стиральную машину. Та завибрировала — видимо, в знак солидарности.

— Контракт? На переиздание? В «Верховном Томе»?

— Да.

— Моих хомяков?

— Если хомяки принадлежат вам — то да. Если они принадлежат кому-то ещё, просьба уточнить заранее, чтобы не было проблем с авторскими правами.

— Хомяки мои, — сказала Лина. — Все до единого.

— Прекрасно. Завтра в двенадцать. Пропуск будет на ресепшене. Форма одежды — деловая.

Анжела отключилась. Лина осталась сидеть на стиральной машине, глядя в стену, где криво висел плакат с Евлампием и надписью: «ДАЖЕ МАЛЕНЬКИЙ ХОМЯК МОЖЕТ ПОБЕДИТЬ БОЛЬШОГО ДРАКОНА».

— Ну что, Евламий, — прошептала она. — Кажется, Дракон тебя заметил.

Из стиральной машины донеслось глухое «бум-бум-бум». Хомяк бился о барабан. Лина сочла это хорошим знаком.

Офис «Верховного Тома» располагался в стеклянной башне, которая отражала небо с такой тщательностью, будто хотела слиться с атмосферой и улететь. Лина стояла перед входом и чувствовала себя картонной декорацией в фильме про будущее.

На ней было «деловое платье», купленное три года назад для собеседования в библиотеку. Платье было тёмно-синим, строгим и немного жалобным — оно как будто извинялось за то, что вообще существует. В руках Лина сжимала папку с рукописями и плюшевого Евлампия. В последний момент она решила, что хомяк придаст ей уверенности.

На ресепшене сидела девушка с такой идеальной укладкой, что Лина заподозрила в ней андроида.

— Я к Роману Верховцеву. На двенадцать. Лина Ветрова.

Девушка улыбнулась улыбкой, которая не достигала глаз:

— Да, госпожа Ветрова. Пропуск готов. Пожалуйста, возьмите бейдж и пройдите на сороковой этаж. Лифт справа.

Лина взяла бейдж. На нём было написано: «ЛИНА ВЕТРОВА. ГОСТЬ». Ниже кто-то от руки приписал маркером: «ХОМЯКИ».

— Это вы? — спросила она.

— Нет, — сказала девушка, не меняя улыбки. — Это Роман Дмитриевич распорядился.

Лина посмотрела на хомяка в своих руках:

— Кажется, у тебя уже репутация.

Лифт был прозрачный. Он взлетал вверх с такой скоростью, что уши закладывало. Лина смотрела, как город расползается внизу игрушечными домиками, и думала: «Вот так, наверное, выглядит мир, когда ты Роман Верховцев. Все внизу. Все маленькие. И у всех закладывает уши».

На сороковом этаже пахло кожей, кофе и чьими-то неслучившимися дедлайнами. Ангела встретила её у лифта — та самая женщина с металлическим голосом. В реальности она оказалась неожиданно тёплой: круглое лицо, очки в красной оправе и родинка над губой, которая придавала ей вид человека, который знает всё, но молчит.

— Госпожа Ветрова. Вы вовремя. Это хорошо. Роман Дмитриевич не любит, когда опаздывают.

— А что он любит? — спросила Лина.

— Честно? Я работаю с ним пять лет, и то до конца не уверена.

Они прошли по коридору, увешанному обложками книг-бестселлеров. Каждая обложка была в рамочке, как бабочка под стеклом. Лина узнала несколько названий — это были книги, которые она читала в своей прошлой жизни. Когда ещё верила, что слова могут что-то изменить.

— Сюда, — Ангела толкнула дверь с табличкой «РОМАН ВЕРХОВЦЕВ. ПРЕЗИДЕНТ ХОЛДИНГА». Ниже висела вторая табличка, поменьше: «БЕЗ СТУКА НЕ ВХОДИТЬ. ДАЖЕ ЕСЛИ ВЫ МОЯ МАМА. ОСОБЕННО ЕСЛИ ВЫ МОЯ МАМА».

Лина хихикнула.

— Это он сам повесил, — сказала Ангела. — Мама всё равно стучит. Редко, но метко.

Кабинет был огромный. Нет, не так. Он был Огромный — с большой буквы «О», как в сказках, которые писала Лина. «И вошла она в Огромный Зал, где на троне восседал Стеклянный Дракон...»

Даже трон был. Почти трон. Огромное кресло из тёмной кожи. За спиной — панорамное окно. За окном — город, распластанный внизу, как карта.

Роман сидел в кресле и что-то печатал. Когда Лина вошла, он поднял палец: подождите. Она ждала. Он допечатал. Поднял глаза.

— А, это вы, — сказал он так, будто они случайно встретились в очереди за хлебом. — С хомяком. Хорошо. Хомяк — это важная часть переговоров.

— Это мой талисман.

— Талисман на переговоры с издателем? Наивно. Обычно талисманы не помогают. Я, например, съел трёх авторов на этой неделе.

— В каком смысле — съели?

— В смысле, — он откинулся в кресле, — они пришли с талисманами, а ушли без контракта.

Лина села — не потому что хотела, а потому что ноги подкосились. Она посадила Евлампия на колени. Хомяк смотрел на Романа своей единственной пуговицей и, кажется, не боялся. Молодец, хомяк.

— Итак, — Роман взял со стола папку. — «Хомячьи хроники». Три книги. Тираж — три тысячи. Продажи — полторы. Честно говоря, это не бизнес. Это хобби. Но у ваших хомяков есть одна особенность, которая меня заинтересовала.

— Какая?

— Они умнее, чем притворяются.

Лина напряглась:

— В смысле?

— Я прочитал, — он бросил папку на стол. — Все три книги. За выходные. Жертва, достойная премии. И знаете, что я понял? Вы пишете не про хомяков. Вы пишете про власть. Про страх. Про то, как маленький зверёк пытается не быть раздавленным большой системой. Это, знаете ли, не детская литература. Это политическая сатира в звериных шкурках.

Лина сглотнула:

— Я просто... пишу сказки.

— Врёте. Но хорошо. Это комплимент.

Он встал. Подошёл к окну. Город внизу жил своей жизнью, не подозревая, что на сороковом этаже решается его судьба.

— Я хочу переиздать вас, — сказал Роман, не оборачиваясь. — Большой тираж. Агрессивный маркетинг. Фестивали. Интервью. Сделаем из вашего хомяка франшизу. Мультсериал. Мерч. Представляете? Дети в майках с Евлампием.

— Зачем вам это? — тихо спросила Лина.

Он обернулся:

— Потому что я могу. И потому что хочу посмотреть, что будет, когда маленький хомяк выйдет на большую арену.

— А если он не готов к арене?

— Тогда его сожрут, — просто сказал Роман. — Но, судя по тому, что я прочитал, — он подошёл ближе, — ваш хомяк умеет кусаться. И я хочу это увидеть.

Лина смотрела на него. Стекланный Дракон. Видит насквозь. Она чувствовала себя раздетой — не в смысле одежды, а в смысле души. Он прочитал между строк то, что она прятала даже от себя. И ей стало страшно.

— Хорошо, — сказала она, меняя тему. — Дайте мне контракт.

— Конечно, — Роман протянул ей папку. — Здесь стандартные условия. Аванс — полмиллиона. Роялти — пятнадцать процентов. Права на экранизацию — пятьдесят на пятьдесят.

Лина открыла папку и сделала вид, что читает. На самом деле она видела только цифры. Полмиллиона. Это было в десять раз больше, чем она заработала за прошлый год.

— И ещё одно условие, — добавил Роман.

— Какое?

— Вы будете работать с нашим редактором. Лично. В офисе. Минимум два раза в неделю.

— Зачем?

— Чтобы я мог следить за процессом.

— Вы лично будете следить за процессом?

— Я лично. Я люблю хомяков. Особенно под соусом «большие продажи».

Лина закрыла папку:

— А если я скажу «нет»?

— Тогда вы скажете «нет». И я вернусь к своим скучным бестселлерам. А вы — к своим уютным тиражам в три тысячи экземпляров. И никто не узнает, что хомяк умел кусаться.

Он смотрел на неё. Она смотрела на него. В комнате повисла тишина, нарушаемая только тихим гудением кондиционера.

— Я подумаю, — сказала Лина.

— Думайте недолго, — Роман улыбнулся. — У меня есть привычка терять интерес к тем, кто долго думает.

— А у меня есть привычка не доверять тем, кто слишком быстро предлагает полмиллиона.

— Мудро. Мне нравится. Значит, не такая уж вы и серая мышка.

Лина встала. Хомяк чуть не упал с колен, но она поймала его.

— Я позвоню завтра.

— Я буду ждать, — сказал Роман.

— Евламий не продаётся.

— Всё продаётся, — сказал Роман. — Просто у всего своя цена.

Лина вышла из кабинета. Ангела ждала её в коридоре:

— Как прошло?

— Он предложил мне полмиллиона и сказал, что всё продаётся.

— А, стандартная речь, — Ангела пожала плечами. — В прошлый раз он предложил автору детективов миллион и сказал, что трупы тоже продаются. Автор согласился. Теперь пишет сценарии для сериалов.

— И как он?

— Говорит, что продал душу, но вполне выгодно.

Лина посмотрела на хомяка:

— Слышал? Мы можем продать душу.

Хомяк молчал. Но Лине показалось, что он осуждает.

Вечером она сидела на кухне, пила чай и смотрела на контракт. Полмиллиона. Переиздание. Мультсериал. И офис дважды в неделю. Роман Верховцев. Человек, который видит насквозь.

Она взяла телефон и набрала номер. Гудок. Второй. Третий.

— Алло? — голос сонный.

— Мам, привет. Скажи, если тебе предложат полмиллиона, но ты будешь знать, что это, возможно, ловушка, ты согласишься?

В трубке помолчали.

— Лина, ты опять ввязалась в неприятности?

— Нет. Просто гипотетически.

— Гипотетически — да. Но ты у меня никогда не была гипотетической. Ты всегда была конкретной головной болью.

— Спасибо, мам.

— Пожалуйста. Деньги возьми. Но купи бронжилет.

Лина повесила трубку и улыбнулась. Потом открыла контракт — и подписала.

Евламий смотрел с полки. В его пуговичном глазу отражалась настольная лампа.

— Ну что, — сказала Лина. — В большой мир?

Хомяк молчал. Но теперь он выглядел так, будто готов кусаться

Глава 4. Стекланный Дракон в естественной среде обитания

Стилист оказался мужчиной. Лина ожидала увидеть женщину — желательно строгую, в очках, с сантиметром на шее и непроизносимой фамилией. Но в кабинет, куда её завела Анжела, вошёл парень лет двадцати пяти в розовой рубашке, кожаных штанах и с серьгой в ухе, которая болталась, как маятник.

— Марк, — представился он, оглядывая Лину так, будто она была диваном сомнительной расцветки. — Можно просто Марк. Если вам захочется назвать меня Маркуша, я не обижусь, но запомню. А это что?

Он указал на плюшевого хомяка.

— Это Евламий, — сказала Лина, инстинктивно прижимая игрушку к груди.

— Он часть образа?

— Он часть души.

Марк задумался на секунду, потом кивнул:

— Ладно. Души я не трогаю. У меня на них аллергия. Но всё остальное — трону, причешу и переодену.

Он обошёл Лину по кругу, как акула, присматривающаяся к туристу.

— Платье, — произнёс он с интонацией патологоанатома, — куплено в торговом центре «Уныние».

— В «Ашане», — честно сказала Лина. — Там была распродажа.

Марк закрыл глаза. Казалось, он считает до десяти.

— Хорошо. Мы это сожжём. Не сегодня — сегодня у меня плотное расписание. Но в следующую среду у вашего платья будет несчастный случай с утюгом. Вы поняли меня?

— Поняла.

— Дальше. Волосы. Вы их моете или просто надеетесь на лучшее?

— Мою. Шампунем.

— Каким?

— Ну... который в супермаркете. Там была акция «два по цене трёх».

Марк приложил руку к сердцу, как будто его ранили.

— Вы слышите? — спросил он у потолка. — Это звук умирающей эстетики.

Потолок молчал. Видимо, привык.

— Хорошо, — Марк выдохнул. — Я не буду спрашивать про косметику. Я боюсь ответа. Мы начнём с нуля. Чистый холст. Из чистого холста я могу сделать если не шедевр, то хотя бы не катастрофу.

— Спасибо, — сказала Лина. — Наверное.

— Не благодарите. Мне платит Верховцев. И, честно говоря, я не понимаю, зачем вы ему. Но это не моё дело.

— Мне тоже непонятно.

Марк посмотрел на неё внимательнее:

— Знаете, обычно авторы, которых приводит Роман, делятся на два типа. Первые — раскрученные звёзды, которые и так всё могут. Вторые — чьи-то протеже. А вы... вы ни то, ни другое.

— Я — третье. Ошибка в матрице.

Марк улыбнулся — впервые за всё время:

— Ошибки в матрице — мои любимые клиенты. С ними хотя бы интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.